

Нет автора

**Чтения в Обществе истории и древностей
российских при Московском университете**

1876. Книга 1

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете: 1876. Книга 1 / Нет автора – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 810 с.

ISBN 978-5-4241-7664-7

ISBN 978-5-4241-7664-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

І
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПЕЧАЛОВАНИЕ

ДУХОВЕНСТВА ЗА ОПАЛЬНЫХЪ ВЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ

ГРЕКО-РИМСКОЙ ВООБЩЕ И ВЪ ЦЕРКВИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ
ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ.

Христіанская Церковь всегда и вездѣ, въ лицѣ своихъ представителей, оказывала самое благодѣтельное вліяніе на развитіе не только религіозно-нравственной, но умственной и общественной, политической жизни человѣчества. Наше отечество тоже не было исключеніемъ въ этомъ отношеніи, оно тоже испытало плоды этого вліянія. Извѣстно, какъ много Древне-Русское духовенство содѣйствовало развитію и утвержденію политическаго могущества Россіи; еще болѣе оно сдѣлало для умственного, и въ особенности религіозно-нравственнаго, развитія. Но этого мало: заботясь о политической силѣ Древней Руси, а тѣмъ болѣе о развитіи въ ней общественной образованности, Русское духовенство въ то же время не упускало изъ виду и внутренняго общественнаго благоустройства. Доказательствомъ этого служатъ, съ одной стороны, громадныя матеріальныя пожертвованія, которыя дѣлало оно на пользу общества, въ особенности въ опасныя минуты отечества, съ другой, вся его дѣятельность общественная, извѣстная подъ общимъ названіемъ «Русской духовной благотворительности», именно: его попеченіе о несчастной и злополучной участи беззащитныхъ личностей, бѣдныхъ слабыхъ рабовъ и плѣнныхъ, и въ особенности его печалованіе за остальныхъ, т. е., людей, законно, или незаконно, гонимыхъ судьбою, подвергшихся осужденію и наказанію со стороны государственнаго закона, гнѣву Верховной или Правительственной Власти, и вообще преслѣдованію со стороны всякой гнетущей силы. Характеръ, сила и зна-

ченіе политической и религіозно-нравственной дѣятельности духовенства достаточно изображены въ любомъ руководствѣ по церковной и гражданской исторіи. О степени проявленія характера благотворительности духовенства, вообще и въ частности, по отношенію къ бѣднымъ и невиннымъ, тоже довольно говорится не только въ руководствахъ по церковно-гражданской исторіи, но и въ отдѣльныхъ статьяхъ, помѣщавшихся въ современныхъ духовно-литературныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но собственно о печалованіи духовенства за опальныхъ въ руководствахъ по церковной и гражданской исторіи, и въ періодическихъ духовно-литературныхъ изданіяхъ, говорится только мимоходомъ, излагаются одни голыя и разбросанныя данныя, безъ всякаго указанія на причину проявленія этихъ отдѣльныхъ данныхъ, а тѣмъ болѣе на ихъ внутреннюю связь, характеръ и значеніе. Между тѣмъ печалованіе духовенства за опальныхъ составляетъ едва ли не самый важнѣйшій и высокій видъ церковной благотворительности, и, слѣдовательно, изъ него лучше всего можетъ быть видна благотворность, дѣйствительность и необходимость вліянія Церкви и духовенства на развитіе общественаго благоустройства Русскаго народа. По этому мы беремъ на себя трудъ изслѣдовать этотъ высокій и важнѣйшій видъ благотворительной дѣятельности Древне-Русскаго духовенства, на сколько, конечно, возможно это изслѣдованіе при современномъ состояніи церковно-гражданской исторической науки именно: въ своемъ изслѣдованіи мы изложимъ, во 1, происхожденіе печалованія, т. е., причины вызвавшія его; во 2, способъ проявленія печалованія, т. е., средства, употреблявшіяся духовенствомъ для уничтоженія опалы и облегченія участи опальныхъ; въ 3-хъ, представимъ степень проявленія печалованія въ Древней Руси, т. е., причины, обуславливавшія появленіе въ разные эпохи и вѣка древняго періода Русской исторіи большаго, или меньшаго, количества печалованій, съ подробнымъ и систематическимъ изложеніемъ самыхъ данныхъ ихъ дѣятельности; и въ 4-хъ, покажемъ самый характеръ печалованія и его значеніе для Древне-Русскаго общества, т. е., по отношенію къ требованіямъ государственнаго закона и Верховной Власти, и его пользу для Государства и общества съ одной стороны, и для религіи и Церкви съ другой, и при томъ въ связи съ происхожденіемъ, степенью развитія и значеніемъ печалованія древней Христіанской Церкви, вообще для того, чтобы видѣть, на сколько и въ этомъ отношеніи Русская Церковь осталась вѣрною Православію.

Печалованіе духовенства за опальныхъ, какъ въ Первенствующей, такъ и въ Древне-Русской Церкви, вызвано было крайнимъ несоотвѣтствіемъ устройства и состоянія древняго Греко-Римскаго и Русскаго общества съ нравственно-религіозными началами и требованіями Христіанства. вмѣстѣ съ понятіемъ о Богѣ, какъ о живомъ безусловномъ существѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра, Христіанство принесло съ собою въ міръ болѣе возвышенный, не существовавшій доселѣ, взглядъ и на внутреннюю природу самого человѣка, увидѣло въ немъ черты образа и подобія Божія. Сообща съ такимъ высокимъ понятіемъ о Богѣ и человѣкѣ, Христіанство потребовало, чтобы и общественныя отношенія человѣчества основались на новыхъ болѣе совершенныхъ началахъ, на идеѣ уваженія достоинства и равноправности личности человѣческой, на идеѣ любви, справедливости и снисхожденія къ ближнимъ, какъ дѣтямъ единого Отца Небеснаго и членамъ богатнаго Царства Христова. Но языческая образованность не вдругъ и не безъ усиленной борьбы уступила свое мѣсто Христіанской образованности. Золотой для Христіанства IV вѣкъ былъ только переходнымъ временемъ въ нравственно-религіозной жизни древняго Греко-Римскаго міра. Началась, правда, въ ней благодѣтельная перемѣна, первый, такъ сказать, шагъ къ лучшему, къ Христіанству, но не успѣла еще такъ скоро совершиться и установиться эта перемѣна для того, чтобы произвести всеобщій переворотъ. вмѣстѣ съ языческими религіозно-научными идеями, въ ней долго еще оставались и господствовали грубое себялюбіе, преобладаніе слабого надъ сильнымъ, строгость и жестокость законовъ къ преступникамъ, и особенно, наконецъ, своеволие и своекорыстіе судей и управителей, часто изъ за своихъ личныхъ выгодъ дѣлавшихся бичами народа. «Народъ коснѣетъ еще въ грубости и лѣнности (говоритъ Василій Великій въ одномъ изъ своихъ писемъ о состояніи современнаго ему общества). Болѣзноваго я душею, продолжаетъ онъ), замѣтивъ въ народѣ какую-то скотскую безличность, а въ управляющихъ застарѣлый и едва исправимый нравъ къ злу.»¹ Правда, Великіе Государи этого времени, Константинъ и Феодосій, сдѣлали много преобразованій въ законодательствѣ, но это были еще только первыя попытки въ измѣненіи всего по духу Христіанства, и по тому оно не совсѣмъ еще было

согласно съ требованіями и духомъ Христіянства, а главное не было еще проникнуто духомъ любви, составлявшей отличительную черту всего Христіянскаго. Справедливо Св. Григорій Богословъ и Златоустъ называютъ современные имъ гражданскіе законы «законами чисто внѣшними, язычествующими.» Вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ самыхъ законахъ, Верховная Власть требовала по ваго лучшаго образа дѣйствій и отъ исполнителей закона. Но между правительственными лицами и вообще исполнителями законовъ во все продолженіе вѣка было не мало язычниковъ даже въ Сенатѣ, которые не понимали Христіянскихъ требованій, и не хотѣли допускать такихъ требованій по отношенію къ закону.

Кромѣ того, и изъ Христіянъ правительственныя лица не всегда какъ должно понимали и выполняли требованія вѣры по отношенію къ ихъ обязанностямъ, какъ по тому, что эти требованія для нихъ были новы, такъ и по тому, что старыя законы такъ часто заставляли ихъ дѣйствовать въ иномъ духѣ. Извѣстно, что первенствующіе Христіане часто отказывались отъ гражданскихъ должностей, чтобы только сохранить чистоту нравовъ, что было весьма трудно при исполненіи языческихъ законовъ. И теперь обстоятельства въ этомъ отношеніи не измѣнились вполне; ² и теперь правители изъ Христіянъ часто недоумѣвали, какъ согласить требованія вѣры съ своими обязанностями, по чему впадали въ ошибки, или допускали нарушеніе этихъ требованій. Такимъ образомъ своеволие и своекорыстіе составляли общую и отличительную черту въ образѣ дѣйствій большинства правителей.

Какъ глубоко было это общественное зло, и какъ Верховная Власть заботилась объ уменьшеніи и искорененіи его, это показываютъ указы, направленные противъ его. «Когда же, наконецъ, прекратится хищничество судей (писалъ Константинъ Великій, съ исполненными горькаго негодованія чувствомъ)? когда исчезнетъ оно, повторяю я?» ³ Въ другомъ указѣ онъ призываетъ всѣхъ къ объясненію правителей, и даже самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ и друзей его: «Всякій, кто бы онъ ни былъ (ишетъ Константинъ), къ какому бы званію и состоянію ни принад-

² Письмо Григорія Богослова 113 и Златоустаго на 1-е Посланіе къ Коринѳяномъ Бесѣда 12, глава 4-я.

³ Codex Theodos. lib. I, tit. VIII.

лежалъ, если надѣется законно доказать несправедливость дѣйствій кого либо изъ судей, вельможъ и другихъ лицъ, сифло являлся ко мнѣ и объявляя свою жалобу: я самъ все выслушаю, и самъ все отомщу за себя.»

Такъ было въ пору политическаго могущества Греко-Римской Имперіи. Еще хуже было въ пору ея разложенія. Смѣшавшись съ разными философскими стремленіями, Христіанская идея потеряла свое прежнее высокое значеніе, а отсюда уже и самый уровень религіозно-нравственнаго чувства этого міра далеко понизился въ сравненіи съ прежнимъ. Издатель Русскаго перевода Исторіи Пахимера, въ своемъ предисловіи объ его жизни, довольно вѣрно изображаетъ состояніе общественной и религіозно-нравственной жизни Греко-Римскаго міра: «На основаніи (какъ онъ выражается), различныхъ отдѣльныхъ, разбросанныхъ, сказаній самаго Пахимера, тоглашнюю Грецію можно уподобить человѣку, раздирающему члены собственнаго своего организма.»⁴

Разъясняя и поясняя свое сравненіе, онъ говоритъ: «Не мечъ и огонь разрушали ее: въ основаніи зла лежалъ упадокъ нравственности, заглушеніе чувства и свободы совѣсти, игра религіозными убѣжденіями, отсутствіе между сословіями и отдѣльными Членами Государственными всякаго внутренняго цемена который бы связывалъ духовно въ одно стройное цѣлое разнородныя части, наконецъ, неимоверная жажда и стремленіе къ роскоши высшихъ Членовъ Государственныхъ. Все (заключаетъ онъ), что еще держалось не распавшись и напоминало о существованіи гражданскаго тѣла, держалось только связію внѣшняго, и узелъ этой связи былъ исключительно у одного Императора.»⁵

Этого мало: самое понятіе о Верховной власти, существовавшее доселѣ, сгладилось и замѣнилось новымъ. Греки перестали уже считать Царя членомъ Греческаго общества, возбуждавшимъ къ себѣ сочувствіе достоинствами, своею физическою силою, храбростію и душевною простотою и ограниченнымъ въ своихъ Царскихъ правахъ и власти Думою и голосомъ народнаго Вѣча. Какъ Греческій народъ представлялъ теперь собою массу совершенно противоположныхъ одна другой національностей, такъ и Греческая идея о Царѣ, наравнѣ со всѣми вообще рели-

⁴ Византийскіе историки т. VI.

⁵ Тамъ же томъ VII-й.

гнозно-нравственными и общественными понятиями народа, представляла собою хаосъ различныхъ понятій о Верховной Власти, какія только успѣло доселѣ выработать человѣчество въ различные періоды и на различныхъ мѣстахъ своего историческаго существованія и развитія. Кромѣ взгляда на Царя, преобладавшаго на Востокѣ, особенно въ Персіи, кромѣ взгляда, выработаннаго древнею Греко-Римскою образованностію, сюда вошелъ еще взглядъ, выработанный Иудействомъ и освященный Христіанствомъ. Такимъ образомъ, по идеѣ Греко-Византійской образованности, личность Царя должна была воплощать въ себѣ: во 1-хъ, высокоумнаго и величественнаго, гордаго и пышнаго, властелина Востока; во 2-хъ, неограниченно-деспотическаго Римскаго Августа; и наконецъ, въ 3-хъ, земнаго Бога, посланнаго самимъ Богомъ съ неба, Христа, какъ выражались тогдашніе Греки. Сообразно этой идеѣ о Верховной власти, и самое даже слово «Βασιλεύς» потеряло свое прежнее значеніе и замѣнилось другимъ, болѣе соответственнымъ названіемъ, «ἀποτοκράτωρ», Самодержецъ. Отсюда къ прежнимъ злоупотребленіямъ исполнителей закона, судей и правителей, теперь присовокупилось еще злоупотребленіе и самой Верховной Власти. Какъ Намѣстникъ Божества на землѣ, Греческій Царь олицетворялъ въ себѣ одною все Государство; думать, что выше его здѣсь никого нѣтъ и быть не можетъ; что, по отношенію къ подданнымъ, ему позволительно все дѣлать; что предѣломъ его власти можетъ служить одинъ только законъ — прихоть его собственной воли. Никакой свободы и правъ личности, никакого различія общественныхъ званій и состояній, для него не существовало. Какъ въ себѣ онъ видѣлъ раба Божія, такъ и во всѣхъ членахъ Государства, и даже своего собственнаго семейства, онъ видѣлъ рабовъ Царевыхъ, которые должны были исчезать предъ нимъ точно такъ, какъ и онъ исчезалъ предъ Божествомъ. Ихъ назначеніе, по его взгляду, состояло только въ томъ, чтобы удовлетворять его разнообразнымъ желаніямъ, и т. п., служить украшеніемъ его Царскаго величія и покорнымъ орудіемъ его неограниченной власти. Подобно древнимъ Восточнымъ Царямъ, каждый Византійскій Императоръ считалъ себя неограниченнымъ властелиномъ надъ жизнью и смертію, собственностію и волею, своихъ подданныхъ. Для него не казалось ни сколько преступнымъ лишеніе жизни и низверженіе въ темницу, или на степень послѣдняго раба, перваго, самаго вѣрнаго, своего государственнаго сановника, по однимъ кознямъ придворнымъ, или для безопасности своего

царствованія. Подобно древнимъ Неронамъ и Домитіанамъ Римскимъ, всѣ свои жестокости надъ своими подданными Греческіе Государи считали простыми игрушками.

Незавидно было, такимъ образомъ, положеніе личности вообще въ такомъ обществѣ; она постоянно страдала отъ гнета и деспотизма высшей силы, въ особенности жалка была участь осужденныхъ предъ закономъ и правительствомъ; для нихъ почти тогда немыслимо было оправданіе; часто совершенно невинные, они должны были терпѣть жестокія мученія и даже смерть. Проникнутые Христіанскими религіозно-нравственными началами, пастыри Церкви, не могли, конечно, равнодушно относиться къ этой тяжелой участи угнетенныхъ членовъ своей паствы, такъ какъ это было несообразно съ проповѣдуемымъ ими ученіемъ. Какъ представители Христіанства, они первые стали стремиться ввести въ жизнь и осуществить на дѣлѣ Христіанскую идею уваженія личныхъ правъ и человѣческаго достоинства, на которомъ только и можетъ основаться общественное благо. И вотъ они берутъ подъ свое покровительство всѣхъ вообще несчастныхъ, въ особенности опальныхъ. На Соборѣ Сардикійскомъ каждому Епископу вѣщено было въ непремѣнную обязанность ходатайствовать за преступниковъ, прибѣгавшихъ къ покровительству и милосердію Церкви; ⁶ ежели Епископъ по чему либо не могъ ходатайствовать, то долженъ былъ послать Діакона; ⁷ и такъ важна была эта обязанность, что тотъ не могъ быть даже Епископомъ, кто не былъ способенъ къ надлежащему исполненію ея.

Христіанство застало древній Греко-Римскій міръ на высшей степени его политическаго, общественнаго и умственнаго развитія. Не то представлялъ собою Древне-Русскій міръ въ то время, когда его коснулся свѣтъ Христіанства. Онъ жилъ еще патріархальною жизнью; въ немъ положены были только первыя начала государственнаго сосредоточенія; въ немъ не успѣли еще сложиться правильныя формы гражданскаго и юридическаго народнаго быта, и вообще не успѣли еще выработаться опредѣленныя общественныя отношенія; языческая образованность была въ немъ вовсе слаба; по этому Христіанство распространялось въ немъ очень быстро и безпрепятственно, безъ особенной борьбы, какъ это было въ древнемъ Греко-Рим-

⁶ Const. I b. VII. cap. 7 — 17; lib. V. cap. 14.

⁷ Тамъ же cap. 8.

скомъ мірѣ. Къ концу XI вѣка мы уже видимъ на югѣ Россіи семь Епископій. Но все скороспѣлое непрочное. Такъ было и съ Христіанствомъ въ Россіи. Мало развитой народъ Русскій скоро свыкся съ внѣшнимъ богослуженіемъ Христіанства, но не могъ еще проникнуться вполне его внутреннимъ духомъ, не успѣлъ еще понять и усвоить надлежащимъ образомъ самой основной его идеи, и до XIV в. все еще оставался двоевѣрнымъ; самое названіе «Христіанинъ», передѣланное въ «крестьянинъ», долго было браннымъ словомъ на Руси.⁸ По памятникамъ нашей древности еще не разъ мы встрѣчаемъ обитателей селъ и городовъ съ жертвою у колодца, въ роуцѣ и на горѣ.⁹ Долго еще слышатся обличенія народу со стороны духовенства за языческія вѣрованія и привычки.¹⁰ Слѣды языческихъ праздниковъ по мѣстамъ встрѣчаются еще въ XIII и XVI вѣкахъ, во времена Стоглава.¹¹ Духовный Регламентъ еще почиталъ нужнымъ запрещать предъ дубомъ молебень пѣть.¹² Правда, въ XVI и XVII в., вмѣстѣ съ пробужденіемъ сознанія политическаго могущества въ Русскомъ народѣ, въ слѣдствіе сближенія его съ Западомъ и долговременнаго опыта, проявилось сильное возбужденіе религіознаго сознанія, направленное къ усвоенію чистой Вселенской Христіанской истины, какого ни раньше, ни позже не проявлялось въ Русской жизни. Русскій людъ теперь понимаетъ Христіанскую вѣру не такъ, какъ онъ понималъ ее при Св. Владимірѣ: онъ сравниваетъ ее съ вѣроисповѣданіями сосѣднихъ языческихъ и Христіанскихъ не Православныхъ обществъ, ищетъ основаній для своей вѣры во всѣхъ ея точкахъ. Но это не поправило дѣла. Умъ Русскаго народа былъ еще слабъ: у него не было вѣрнаго оселка для оцѣнки чужихъ вѣрованій и своихъ собственныхъ религіозныхъ недостатковъ. Такимъ образомъ, разлагая свои собственные и чужія вѣрованія, онъ только впадалъ въ ошибки и заблужденія. Какъ въ древнемъ Греко-Римскомъ мірѣ IV вѣкѣ, такъ въ Древне-Русскомъ мірѣ XV и XVI вѣка были временемъ господства великихъ ересей. «Нынѣ и въ домѣ, и на дорогахъ, и на рынкѣ, всѣ иноки и міряне съ сомнѣніемъ

⁸ Исторія Карамзина т. VII-й, стр. 129.

⁹ Житіе Муромскаго Князя Константина ст. XII-й.

¹⁰ Кирилль Туровскій убѣждалъ въ XII в. не нарицать себя Бога въ камени.

¹¹ Грам. Фотія 1410 г. Ак. Эксп. т. I. № 369.

¹² Регламентъ, часть 2-я, пунктъ 3-й.